

Печатнов Ю.А.

Кандидат технических наук, доцент

Ретроспективный анализ эволюции концепций сдерживания

Рассматривается эволюция отечественных и зарубежных концепций (стратегий) сдерживания в исторической ретроспективе с 1945 года по настоящее время. Проведена периодизация развития концепций сдерживания. Выявлены основные закономерности развития отечественных и западных взглядов на решение задачи сдерживания о развязывания агрессии.

К настоящему времени термин «сдерживание» укоренился в обиходе как военно-политического руководства Российской Федерации и ведущих зарубежных стран, так и научной общественности. С целью уяснения и единого понимания данного термина предлагается провести ретроспективный анализ появления и трансформации концепций его применения. Периодизация развития концепции сдерживания имеет существенное методологическое значение: оно не только раскрывает особенности развития и трансформации международных военно-политических отношений, но и позволяет оценить изменение взглядов и концепций использования стратегических вооружений, смену приоритетов в подходах и созданию механизмов сдерживания и обеспечению достаточного уровня стратегической стабильности. В этом контексте необходимо отметить, что информация именно об американских доктринах сдерживания позволяет оценить изменение формирования взглядов на концепцию сдерживания в рассматриваемой ретроспективе. Отсутствие официальных доктрин сдерживания в СССР затрудняет процесс анализа и приводит к необходимости делать выводы косвенно, используя множество источников.

Прежде чем приступить к изложению материала дадим необходимые пояснения относительно терминов «концепция сдерживания» и «стратегия сдерживания». В первую очередь следует подчеркнуть, что само понятие «сдерживание» уже изначально предполагает наличие, либо появление в будущем конфликтной ситуации, например, между двумя государствами. Поэтому сдерживание обычно представляется как один из инструментов предотвращения и деэскала-

ции межгосударственных конфликтов различного масштаба. В таком контексте концепция сдерживания представляет собой совокупность принципов и положений, которые объединены в общую систему в целях обеспечения согласованного, скоординированного их использования для предотвращения или деэскалации межгосударственных конфликтов. Она разрабатывается на основе существующих теоретических положений и накопленного опыта. Концепция сдерживания выражает наиболее рациональную мысль по применению различных средств в текущей и возможных в будущем ситуациях.

В современном понимании [1] стратегия сдерживания – способ стратегических действий, основанный на осуществлении комплекса военных и других мер, направленных на сковывание (сдерживание) противника от развязывания войны или ее ведение с определенными ограничениями, недопущения распространения военных действий на новые территории и предупреждение ввода в действие более мощных и разрушительных средств вооруженной борьбы.

1 Ретроспективный анализ американских концепций сдерживания

Термин сдерживание, под которым ранее понималось исключительно ядерное сдерживание, впервые начал фигурировать в официальных документах Минобороны и других государственных структурах США в 1946 году. Данное понятие использовалось и ранее, однако, его понимание применительно к послевоенному устройству мира начало вырабатываться именно в этот период.

Большинство специалистов [2, 3, 4, 5, 6] отмечает, что основоположником концеп-

ции сдерживания является американский дипломат Джордж Кеннан. Он впервые привлек к себе внимание в качестве специалиста по СССР в связи с телеграммой из 8000 слов, которую он направил в Госдепартамент США, будучи сотрудником американского посольства в Москве. Этот документ, подготовленный в феврале 1946 г., вошел в историю дипломатии под названием «длинной телеграммы». Донесение Кеннана появилось в самый подходящий момент: руководство США и стран Западной Европы уже были готовы принять идею о советской угрозе. Как известно, примерно в это же время У. Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне, заявив, что Советский Союз опускает над Восточной Европой «железный занавес».

В июле 1947 года Кеннан опубликовал в журнале «Foreign Affairs» статью «Истоки поведения СССР» («The Sources of Soviet Conduct»). В ней он повторил и развил постулаты, озвученные в «длинной телеграмме», где в качестве единственного возможного направления развития США рассматривается политика сдерживания. Цель этой политики, писал Кеннан - сохранить мир и стабильность во всем мире, оказывая русским последовательное противодействие в любом месте, где появятся признаки их происков. После этой публикации термин сдерживание был подхвачен американскими военными и дипломатами и даже возведен в статус доктрины и одного из основополагающих направлений американского внешнеполитического курса.

Заметим, что *в понимании Кеннана сдерживание должно было осуществляться исключительно с помощью политических механизмов*, что и явилось впоследствии основой для критики такой концепции. Сдерживание по Дж. Кеннану было для США скорее оборонительным и предполагало противодействие Советскому Союзу в случае его попыток выйти за рамки уже закрепившихся за ним сфер влияния. В этой связи окружение Г. Трумэна достаточно быстро осознало, что идеи Кеннана требуют существенной доработки в части силовой составляющей сдерживания, в первую оче-

редь, требует учета ядерная монополия США, которая продлилась до 1949 года. В результате к 1950 году в США была сформулирована новая концепция сдерживания, автором которой являлся П. Нитце.

Сдерживание по П. Нитце было более активным и наступательным, что нашло отражение в документе, получившем название «директива СНБ-68». В данном документе выражалась готовность США проводить «рискованную политику» («risk - taking policy»), т.е. политику балансирования на грани войны. Главным аргументом П. Нитце было утверждение о том, что в случае захвата контроля над ресурсами всех Европейских стран СССР сможет стать вровень с США по размерам своего совокупного потенциала. В результате *директива СНБ-68 представляла собой классический случай логики игры с нулевой суммой, при которой каждый выигрывает одной стороны начал проигрыш другой*. Необходимо сказать, что Г. Трумэн подписал только четвертый вариант СНБ-68/4, потребовав дополнительной экспертизы аргументации и выводов П. Нитце. Трумэн считал такую концепцию сдерживания слишком радикальной.

Новая администрация (после ухода Г. Трумэна) пришла к власти под лозунгом критики демократов за их «примиренчество» по отношению к «коммунистической экспансии». Республиканцы стремились предложить доктрине сдерживания альтернативу в наступательном духе. Эту роль должна была выполнять концепция отбрасывания коммунизма, по-другому называемая концепцией освобождения.

Впервые ключевые идеи новой концепции были сформулированы в мае 1952 г. в журнале «Life» в статье Дж.Ф. Даллеса, озаглавленной «Политика смелости». После того как в 1953 году в новой администрации республиканцев он был назначен на пост государственного секретаря, выдвинутые в 1952 году постулаты стали во многом определять реальную внешнюю политику США, которая получила название доктрины ядерного возмездия¹. *Идея Дж.Ф. Даллеса со-*

¹ Доктрина ядерного возмездия в литературе также именуется доктриной массивированного превентивного удара

стояла в оказании на СССР давления посредством угрозы массированного применения ядерного оружия. Данная стратегия оказалась весьма рискованной, т.к. устанавливала очень низкий порог ядерного конфликта. Ее главная опасность заключалась в том, что *она легализовала превентивный удар – даже малый конфликт с СССР предполагал применение против него всех сил и средств США в порядке предупреждения новых ударов с его стороны.*

В результате действия стратегии массированного возмездия с 1953 года и до Карибского кризиса 1962 г. ультиматумы, содержащие прямые угрозы применения военной силы, были распространенным явлением в отношениях между двумя ведущими ядерными державами. *Обобщая вышеизложенное необходимо констатировать, что до Карибского кризиса все американские стратегии сдерживания (за исключением концепции Дж.Кеннена) носили наступательный характер и выполняли по сути дестабилизирующую функцию. В реальности военно-политическое руководство США рассматривало ядерное оружие, как оружие поля боя, а не как инструмент сдерживания. Такое состояние дел продолжалось до тех пор пока американская сторона не осознала свою уязвимость, которая была не характерна для начального периода противостояния США и СССР, когда в СССР отсутствовали средства, обеспечивающие доставку ядерных боеприпасов к объектам на территории США.*

В 1961 г. после прихода к власти Дж.Ф. Кеннеди его администрация принялась за детальный анализ сильных и слабых сторон действующей в то время стратегии массированного ядерного возмездия. После чего Дж.Ф. Кеннеди дал поручение действующему в то время министру обороны США Р. Макнамаре разработать новую стратегию, получившую название стратегии гибкого реагирования [7]. Исключив массированное применение ядерного оружия на ранней стадии, она позволяла существенно поднять ядерный порог, поскольку допускала различные варианты обычной и ядерной войны,

в том числе, ограниченной ядерной войны, выборочное и дозированное применение ядерного оружия. Стратегия была основана на расчете, что возможности НАТО в сфере обычных сил могут быть настолько улучшены, что использование ядерного оружия станет ненужным. *Согласно этой стратегии любое применение ядерного оружия так или иначе должно быть поздним и ограниченным.* Таким образом, гибкость этой стратегии заключалась в принципиальном признании возможности управлять советско-американской конфронтацией. Хотя это управление теоретически не исключало возможности силового столкновения СССР и США, в том числе ограниченного ядерного конфликта между ними, на самом деле, как доказано историей, задача гибкого реагирования была в другом. Оно было призвано не допустить не только общего ядерного конфликта между сверхдержавами, но и любого конфликта высокой интенсивности между ними. Несмотря на то, что при поверхностном рассмотрении она выглядит пассивной и рефлекторной, в реальности эта стратегия носила активный характер и была направлена на придание гибкости и эффективности американским Вооруженным Силам в ситуации, когда США утратили былую неуязвимость, характерную для начала 50-х годов XX века.

В 1966-1967 годах Министр обороны США Р. Макнамара разработал ряд положений, направленных на совершенствование существующей военной доктрины. Главным из них являлась стратегическая *концепция «взаимного-гарантированного уничтожения»* [7]. В июне 1967 г. в Глассборо (штат Нью-Джерси) состоялась встреча А.Н. Косыгина с президентом США Л. Джонсоном, на которой американская сторона подняла вопрос о советской системе ПРО вокруг Москвы и предложила заключить соглашение об ограничении систем противоракетной обороны. Р. Макнамара убеждал А.Н. Косыгина в том, что развертывание системы ПРО имеет дестабилизирующий характер по двум основаниям: во-первых, оно будет стимулировать гонку вооружений, поскольку каждая их сторон будет стремиться к

преодолению ПРО другой стороны; во-вторых, в кризисной ситуации система ПРО будет провоцировать первый удар стороной, которая не имеет такой системы. Подобная линия рассуждений и породила идею «взаимного гарантированного уничтожения» [8]. А.Н. Косыгин, согласно американским источникам, не поддержал такого рода подхода. В тех условиях СССР не был готов пойти на договоренность о ПРО, поскольку это было бы выборочное ограничение только одного вида средств, не затрагивавшие программы наступательных вооружений, где США были впереди. Считается, что в то время СССР опережал США в области ПРО.

В 1972 г. президент США Р. Никсон заявил о «конце неоспоримого первенства Соединенных Штатов в смысле стратегического могущества и приходе ему на смену стратегического равновесия, при котором ядерные силы США и Советского Союза сопоставимы». В связи с этим после смены нескольких стратегических концепций администрация США остановилась на формуле достаточности. После чего в мае 1972 года были одновременно подписаны соглашение ОСВ-1 и Договор по ПРО. После подписания этих документов концепция «взаимного гарантированного уничтожения» стала основой ядерных доктрин США и СССР.

Находясь в рамках концепции взаимного гарантированного уничтожения, американская сторона продолжала искать способы достижения превосходства в новой военно-политической ситуации. Превосходство при этом рассматривалось как способность достичь преимущества в случае обмена контрсиловыми ударами. В течении 70-х годов американское руководство исходило из таких соображений и при формировании программ строительства стратегических наступательных сил, и при развертывании ядерных средств первого удара в Европе. Своим законченным выражением эти подходы нашли в *концепции ограниченной ядерной войны* (впервые изложена П. Нитце в 1956 г.), активно выдвигавшейся администрацией Рональда Рейгана в первые годы его пребывания у власти. Согласно этой концепции предпочтение следует отдавать малым ядер-

ным атакам, когда они возможны, и умелым их выбором создавать реальный шанс перехода от ядерной войны к переговорам, прежде чем государства будут уничтожены. Таким образом, *признав невозможность достигнуть преимущества над СССР на уровне всеобщей ядерной войны США стремились обеспечить свое преимущество на более низких уровнях потенциального конфликта. Однако поиски превосходства над СССР велись исключительно в рамках концепции взаимного гарантированного уничтожения.*

В марте 1983 г. президент Р. Рейган обнародовал так называемую «стратегическую оборонную инициативу» (СОИ), заявив о необходимости создать «лучшую форму сдерживания» – *оборонительное сдерживание*. Программа СОИ подавалась широкой публике в антиядерной упаковке — как многообещающий путь к девальвации ядерных вооружений, упразднению «баланса страха» и принципа «взаимного гарантированного уничтожения». Взгляды президента Рейгана на «оборонительный щит» не имели широкой поддержки в военных кругах США, однако СОИ создавала своеобразное политическое прикрытие для оправдания высоких расходов на военные исследования и разработки в области новых технологий. Недекларированная, но весьма существенная цель этой программы заключалась также в том, чтобы спровоцировать ответную реакцию советской стороны, втянуть СССР в новый виток разорительной гонки вооружений и тем самым усугубить обострившиеся экономические проблемы, вызвать перегрев советской экономики. Когда в 1989 г. Буш-старший сменил Рейгана на посту президента, объем финансирования программы СОИ сократился, а сама программа была перефокусирована преимущественно на исследования. *По своей сути программа СОИ была единственной (хотя во многом популистской и формальной) в истории США попыткой придать стратегии сдерживания оборонительные свойства. Наряду с этим была предпринята попытка объединения взаимно дополняющих друг друга программу СОИ и концепцию ограниченной*

ядерной войны. СОВ не перечеркивала, а органически включала в себя концепцию ограниченной ядерной войны. Более того, реальные стратегические преимущества, которые получала сторона, обладающая не абсолютно надежной ПРО, могли проявить себя прежде всего в сценариях ограниченной войны.

В 90-х годах XX века концепция ядерного сдерживания США не претерпела существенных изменений. Но проводившиеся в те годы научные разработки, а также военные действия в Ираке и Югославии подготовили принципиально новый этап в оборонной политике США. Принцип взаимного гарантированного уничтожения оставался ключевым в американской стратегии сдерживания до прихода в Белый дом Дж. Буша младшего. В сентябре 2002 года была принята Стратегия национальной безопасности США. В ее основу положена агрессивнo-экспансионистская концепция, призванная видоизменить существующую стратегию сдерживания. В этом документе отмечается: «Сдерживание невозможно, если мы будем ждать, пока угроза материализуется полностью, окажется что мы ждали слишком долго. Соединенные штаты оставляют за собой право наносить превентивные удары и начинать предупредительные войны». Ключевым для данного документа можно считать использование производного от термина «preemption», используемого в транспортном и юридическом контекстах в смысле «покупка чего либо прежде других», «преимущественное право на покупку или выкуп имущества». В документе термин «preemption» превращен в военно-политический термин, который в российских изданиях зачастую переводят как превентивные (действия) удары. Однако, использование термина «превентивные» в США избегают сознательно, поскольку доктрина «превентивной войны» была осуждена на Нюрнбергском процессе как скрытие агрессии. В этой связи одним из основных положений документа можно считать то, что он устанавливает возможность применения США военной силы, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на США в данный

момент не готовится или невозможно: «Америка будет действовать против возникающих угроз прежде чем они полностью сформируются». Именно для обозначения таких действий введен термин «preemption».

В сложившихся условиях США расширили существующую стратегию сдерживания за счет привлечения в ее состав стратегических оборонительных средств (национальная ПРО США) и стратегического высокоточного оружия и объявив о решимости применять его в предупредительных действиях, что и было реализовано в Ираке, Югославии и Афганистане. Вместе с этим нельзя не отметить, что ключевые принципы взаимного гарантированного уничтожения и ограниченной ядерной войны сохраняются и до сих пор. Данное обстоятельство подтверждается тем фактом, что США наряду с определенными договорами СНВ-1 и СНП предельными уровнями ядерных вооружений сохраняет значительный возвратный потенциал, который может быть задействован в кризисных ситуациях. Параллельно с массовой разработкой и производством высокоточного оружия США пытаются снизить порог применения ядерного оружия за счет создания ядерных боезарядов сверхмалой мощности (mini-nukes), что может явиться дополнительным дестабилизирующим фактором в случае эскалации межгосударственного конфликта². Разработка ядерных боеприпасов такого типа направлена на трансформацию исключительно сдерживающей функции ядерного оружия и придание ему свойств оружия боя и возможности реального применения в войнах низкой интенсивности.

С приходом в Белый дом Б. Обамы была предпринята попытка провозгласить док-

² В 2003 г. Конгресс отменил резолюцию Фурс-Спратта, что санкционировало разработку новых видов ядерного оружия (хотя на слушаниях в Конгрессе 20 мая 2003 г. министр обороны США заявил, что Вашингтон намерен только изучать возможности нового оружия, а не применять его на практике). В доктрине совместных операций с применением ядерного оружия 2005 г. постулировалась возможность превентивного применения ЯО в локальных военных конфликтах. Американские военачальники получали право запрашивать у президента санкцию на нанесение избирательных ядерных ударов по странам или группировкам, угрожающим применить ОМП против США либо их союзников. Подобные варианты действий были зафиксированы еще президентской директивой № 60 (1997). Но теперь они получили более «расширенный» и многовариативный характер.

трину минимального ядерного сдерживания (minimal deterrence). За этими предложениями США явно просматривается попытка обеспечить США стратегическое преимущество за счет разработки и принятия на вооружение стратегических оборонительных систем и высокоточного оружия большой дальности на фоне резкого снижения количества ядерных средств.

2 Эволюция российской (советской) концепции сдерживания

Несмотря на то, что ядерное сдерживание являлось краеугольным камнем американо-советских отношений вплоть до распада СССР, в отечественном военно-стратегическом лексиконе данный термин являлся нелегитимным вплоть до 90-х годов прошлого века, а сама стратегия ядерного сдерживания на высшем декларативном уровне объявлялась ненадежной.

Большую часть послевоенного периода советская военная доктрина предполагала, что война между США и СССР приведет к применению ядерного оружия. Фактически до середины 60-х годов в публикациях официальных кругов СССР присутствовало убеждение, что единственным возможным конфликтом между СССР и США может быть только крупномасштабная ядерная война. В конце 60-х – начале 70-х достигнутый между СССР и США, Организацией Варшавского Договора и НАТО военно-стратегический паритет обусловил пересмотр доктринальных установок [6]. После этого официальная советская доктрина начала допускать возможность поэтапной войны в Европе, в которой первая фаза может вестись с применением обычных сил.

На протяжении 70-х – 80-х годов советские эксперты и представители военных кругов оспаривали неизбежность ядерной эскалации, допуская возможность большой затяжной войны между Востоком и Западом, в которой ядерное оружие не будет использовано. В 80-х годах Военная доктрина СССР стала выделять потенциал ядерного сдерживания, рассматривая данное оружие как средство возмездия в ответных действи-

ях. Это нашло выражение в принятом СССР в 1982 году обязательстве первыми не применять ядерное оружие.

После распада СССР резко сократились экономические возможности государства по сохранению и развитию Вооруженных Сил, что явилось катализатором в поиске новых рациональных путей обеспечения обороноспособности страны. Именно в это время началось становление и развитие отечественной концепции сдерживания, значительный вклад в развитие которой внесли научно-исследовательские организации Минобороны РФ и оборонно-промышленного комплекса РФ.

Новые военно-политические условия вынудили Россию модернизировать концепцию ядерного сдерживания. В начале 1990-х гг. в российской военной политике появилось два новых направления. Первое – зафиксированный в Кэмп-Дэвидской декларации (февраль 1992 г.) отказ России и США воспринимать друг друга как стратегических противников и понижение боевой готовности СЯС. Второе – анонсированное в Вашингтонской хартии намерение создать общее пространство безопасности «от Ванкувера до Владивостока». Впервые в истории Российская Федерация заявила о намерении соотносить свою политику национальной безопасности с безопасностью стран атлантического сообщества.

На этой основе российское руководство в начале 1990-х гг. допускало возможность разработки совместных проектов в «чувствительных» с точки зрения национальной безопасности сферах. Однако, принятие администрацией Клинтона концепции взаимно гарантированной безопасности вынудило Россию пересмотреть эти подходы. После распада Варшавского договора и СССР превосходство в области обычных вооружений перешло к Соединенным Штатам и блоку НАТО. В таких условиях Российская Федерация фактически оказалась перед лицом тех же вызовов, что и США в конце 1950-х гг. (опасность втягивания в региональные военные конфликты при абсолютном превосходстве противника в обычных вооруженных силах). Балканские события

1990-х гг. убедили российское военно-политическое руководство в опасности такой тенденции. Это привело к пересмотру взглядов на применение ядерного оружия в ходе развития военного конфликта. Так, если в 1993 г. из Основных положений Военной доктрины РФ было исключено обязательство СССР не применять ЯО первым, то в 1995 г. в проекте Закона о национальной безопасности понятие «ядерное сдерживание» впервые зафиксировано как основная функциональная задача российских стратегических ядерных сил. Проведение политики ядерного сдерживания с целью предотвращения военной агрессии закреплено в обеих редакциях Концепции национальной безопасности РФ 1997 и 2000 гг. Утвержденная 21 апреля 2000 г. Военная доктрина Российской Федерации допускала возможность применения ЯО для отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений. В документе также говорилось о необходимости обладания ядерным потенциалом сдерживания, «гарантирующим нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях» [9].

Таким образом, отечественная теория сдерживания разрабатывалась как составная часть общей теории безопасности, имеющей военный, социальный, экономический, психологический и другие аспекты. Основные усилия при разработке такой теории были направлены, в первую очередь, на обоснование концептуальных положений военного аспекта сдерживания и разработку практических рекомендаций в рамках механизма их реализации. При этом в отечественной теории сдерживания используется понятие концепции сдерживания, которая представляет собой совокупность взглядов на решение проблемы обеспечения военной безопасности государства с опорой на потенциал ядерных средств. Считается, что концепция реализуется с помощью механизма сдерживания, путем разработки и практического проведения мероприятий, направленных на предотвращение возможной агрессии против Российской Федерации и деэскалацию агрессии, если ее не удалось предотвратить

В настоящее время в основу российского механизма сдерживания положена концепция взаимного гарантированного уничтожения, а также концепция управляемой ядерной эскалации и ограниченной ядерной войны, которые закреплены в действующей редакции Военной Доктрины Российской Федерации. При этом принимается, что ядерное сдерживание обеспечивается таким потенциалом ядерных вооружений, который позволяет нанести наиболее сильному в военном отношении противнику неприемлемый ущерб в ответных действиях в любых условиях обстановки.

В новой редакции Военной Доктрины Российской Федерации стоит осуществлена дальнейшая трансформация взглядов на условия применения ядерного оружия, в частности, в региональных военных конфликтах. Такая трансформация концепции ядерного сдерживания, по мнению автора, является вполне правомерной реакцией Российской Федерации на смещение угроз военной безопасности с глобального на региональный уровень.

3 Выводы

Различные концепции сдерживания в послевоенные годы использовались руководством США в качестве обоснования необходимости силового противоборства с СССР, применения военной силы в различных регионах мира (Корея, Вьетнам, Ирак, Югославия, Афганистан), служила главным аргументом для принятия программ военного строительства. Идеология сдерживания продолжает быть основной при выработке принципов политики в области военной безопасности и развитии стратегических вооружений. Стратегия сдерживания остается и в обозримой перспективе останется основным инструментом достижения США своих внешнеполитических целей. Принцип взаимного гарантированного уничтожения применительно к российско-американским отношениям вряд ли будет трансформирован, в условиях сохранения Российской Федерацией ядерного потенциала на уровне не менее 1500-1675 боевых блоков. Вместе с

этим в настоящее время наблюдается ломка довольно устойчивых политико-психологических параметров, которые были характерны для ядерного противостояния СССР и США с 1962 по 1991 гг. Создается совсем новая, особая политико-психологическая атмосфера. Теперь американские военные и политические элиты начинают видеть в «ядерном конфликте» не ситуацию, заведомо проигрышную для всех его участников, а вариант войны, в которой победа одной стороны вполне возможна и, более того, может теоретически намного «перекрыть» ущерб, нанесенный победителем³. Вместе с этим трансформируются взгляды на само сдерживание. Наряду с сохранением концепции взаимного гарантированного уничтожения в стратегию сдерживания включена возможность ведения предупредительных войн для достижения внешнеполитических целей США. Вкупе с планами развертывания национальной ПРО США такие подходы к реализации стратегии сдерживания усиливают эскалационную неустойчивость американской внешней политики. В известном смысле политическое сознание возвращается к тому состоянию, в котором оно находилось на ранних этапах глобального ядерного противостояния в 1950-1960-х гг.

Общие тенденции развития советской концепции ядерного сдерживания близки с американскими. До конца 1960-х гг. ядерное оружие рассматривалось в работах советских стратегов как средство ведения военных действий. В 1970-х и 1980-х гг. СССР вместе с США стали повышать контрсило-вые возможности своих СЯС. Официально СССР не проводил политику целенаправленного «взятия в заложники» стратегического арсенала Соединенных Штатов для принуждения их к определенным действиям. На практике Советский Союз реализовал основные компоненты этой концепции.

Основным направлением развития российской концепции сдерживания в настоящее время является снижение ядерного порога и увеличение числа сценариев возмож-

ного применения ядерного оружия на различных ступенях эскалации межгосударственных конфликтов. Такие подходы позволяют говорить об усилении роли концепции гибкого реагирования в отечественных подходах по решению задачи сдерживания. Нельзя не отметить, что данная концепция была апробирована американскими стратегами еще в 60-х годах прошлого века, вместе с этим советские эксперты отрицали возможность ее использования на практике. Несмотря на дискуссионность ряда вопросов, связанных с применением концепции гибкого реагирования на практике, не исключено, что она может стать одним из ключевых элементов в системе обеспечения военной безопасности государства в условиях продолжающегося отставания боевых возможностей сил общего назначения Российской Федерации от Вооруженных Сил стран – вероятных агрессоров.

Список использованных источников

- 1 Международная безопасность и обороноспособность государств. Под редакцией Рогозина О.К. – М.: 1992. - 189 с.
- 2 Jay J., Rosenzweig P. (eds.). *Winning the Long War: Lessons from the Cold War for defending terrorism and preserving freedom*. Washington, D.C.: The Heritage Foundation, 2005, 252 p.
- 3 Ian Shapiro. *Containment: Rebuilding a Strategy against Global Terror*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007, 192 p.
- 4 Вайсброуд К. Рассказ о трех рыцарях «холодной войны». Вестник НАТО, 2006.
- 5 Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла Джорджа Кеннана. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2002. – 479 с.
- 6 Лавров С.В. Сдерживание России: назад в будущее? Россия в глобальной политике. №4, июль – август 2007.
- 7 Геловани В.А., Пионтковский А.А. Эволюция концепций стратегической стабильности. – М.: Издательство ЛКИ. 2008, 111 с.
- 8 Стратегическое ядерное сдерживание или умиротворение США? Выбор России. ЦП СЯС АВН, 2004, 127 с.
- 9 Фененко А.В. Трансформация сдерживания. Россия в глобальной политике. №6, Ноябрь-Декабрь 2009.

³ В первую очередь речь идет о возможности применения ядерных боеприпасов сверхмалой мощности.

